

...ТЯЖЕЛЫЙ взрыв оборвал сон. Корабль качнулся, и вслед за этим ударили колокола громкого боя — боевая тревога!

Еще как следует ничего не собравшая, мигом натянула брюки, сунул ноги в ботинки и, на ходу надевая китель — привычка военных лет, — выскакиваю из каюты на верхнюю палубу. Успевая взглянуть на часы — 01.25... 29 октября 1955 года.

Ночь. Корабль затемнился, на верхней палубе лишь мерцают светлячки синих лампочек. Затемнены и другие корабли, стоящие на рейде.

Но почему тревога — боевая? И словно в ответ звучит сигнал: «Отбой боевой тревоги!» И тут же — новый: «Аварийная тревога!» — Что случилось? — спрашиваю у вахтенного офицера. Его пост на юте, у правого борта.

Вахтенный взволнован: — На «Новороссийске» взрыв. Сноп огня из носовой части рванул чуть ли не через всю бухту.

Линкор «Новороссийск» — вот он, рядом с нами, метрах в ста — сорокатицать. Включили прожектор на кормовом мостике и осветили линкор. Вспыхнули прожектора и на крейсерах «Керчь», «Фрунзе», что стояли поближе к Северной стороне.

На линкоре никакой суеты, а тем более паники. Хотя знаем: внутри наверняка уже началась тяжелая борьба с водой.

Взрыв произошел в самой людной части корабля — в районе носовых кубриков, где спали матросы и старшины, и многие из них, предположительно человек двести, погибли сразу же, около пятидесяти было ранено, их переправлял в госпиталь.

Площадь пробоины, как было установлено позднее, равнялась почти пятидесяти квадратным метрам. Взрыв прорвал днище, разорвал все палубы, в том числе пробил три броневые палубы, и выплеснул наверх тонны ила.

ЛИНКОР по-прежнему стоял на бочках с приподнятым носом, или, как говорят моряки, с дифферентом на нос, который заметно погружался.

...В состав флота «Новороссийск» вошел в 1949 году. Это был красивый и быстходный корабль, да и размерами значительно превосходил нашего флагмана — линкор «Севастополь», построенного еще до революции. Мощное было и вооружение «Новороссийска» — десять 320-миллиметровых орудий, а также несколько десятков стволов универсальной и зенитной артиллерии. Правда, эти боевые качества были достигнуты в ущерб другим, в частности, броня и система непотопляемости его значительно уступали линкору «Севастополь».

...Моряки, сгрудившись на юте крейсера, лишь изредка перебрасывались шепотом отдельные фразы. Давно дан отбой аварийной тревоги, прозвучал сигнал «Команде отдыхать!», и хотя знали, что через несколько часов ранним утром пред-

стоит выход в море, никто не уходил в кубрики и каюты. Все с трезвой наблюдательностью за линкором. На палубе его по-прежнему вроде все было спокойно. На юте стояла группа адмиралов во главе с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом В. А. Пархоменко и членом Военного совета вице-адмиралом Н. М. Кулаковым. Поблизости к кормовым башням выстроены матросы и старшины, не занятые в борьбе за живучесть корабля.

Почему их не переправляют на берег?..

Между тем дифферент на нос все увеличивался — уже форштевень почти весь под водой.

Наверное, многие из моих товарищей, стоявших рядом, из тех, кому довелось воевать на крейсере в годы Великой Отечественной, вспоминали в эти часы, как и им пришлось пережить трагедию, подобно разыгравшейся на «Новороссийске». Было это в сорок втором, в ночном бою с фашистскими бомбардировщиками, торпедоносцами и торпедными катерами.

Крейсеру долго удавалось отражать комбинированные атаки врага. Но вот одна из торпед врезалась в борт. Повреждение было тяжелейшее: оторвало корму, более двадцати метров. Под воду ушли люди, находившиеся на юте и в кормовых помещениях. Был оторван руль, побиты винты, погнуты гребные валы. Казалось, корабль был обречен.

Аварийщики крейсера под командованием офицеров П. И. Куродова, А. Д. Зинченко и Ю. С. Риске в неимоверно тяжелых условиях сумели перекрыть поступление воды во внутренние помещения корабля и продолжали отражать атаки вражеских самолетов, экипаж довел-таки свой корабль до базы, преодолев путь от берегов Крыма до Поты. Спасли корабль помогали не только героизм моряков, но и прочность корпуса корабля, сработанного советскими рабочими.

А выдержит ли «Новороссийск»?

БОРЬБА за спасение корабля началась спустя несколько минут после взрыва и продолжалась до тех пор, пока корабль оставался на плаву.

О тех событиях, наполненных мужеством и даже самопожертвованием, моряки, оставшиеся в живых, вспоминают со всеми подробностями — такое в памяти на всю жизнь.

Запомнились и мне взволнованные рассказы капитан-лейтенанта Говорова и других ребят из аварийной партии, вернувшихся тогда на крейсер.

В гигантскую брешь, пробитую взрывом ринулась заборная вода. Она затопила многие носовые помещения. Уже через несколько минут в борьбу с водой вступили моряки линкора. Вскоре на помощь им прибыли аварийные партии с крейсеров «Кутузов» — во главе с командиром электромеханической боевой части капитаном 3-го ранга С. М. Мухиным, с на-

шей «Славы» — под командованием капитан-лейтенанта В. Н. Говорова, с «Фрунзе».

— Все службы на линкоре работали четко, — вспоминает капитан 2-го ранга Григорий Моисеевич Шестак, бывший заместитель командира линкора по политчасти.

Мы выставили семь линий обороны. Пока затапливался один отсек, подкрепляли другой. Ни один человек не покинул свой пост без приказа.

Работали в невыносимо сложных условиях. Ставили подпоры, укрепляли переборки, конопатили швы. А ведь

людей. За ним прогрохотали, сорвавшись, башни универсального калибра. Группа моряков бежит навстречу переворачивающемуся днищу корабля...

Очерчивая огромную дугу, устремились к воде высокие мачты. На самой высокой надстройке замаячил семафор, посылая кому-то последние слова... «Что он передавал?» — спросил я позднее у старшины сигнальной команды крейсера Дмитрия Милеева. «Прощался», — ответил тот.

Потом раздался шум от удара о воду надстроек, и там, где всего минуту-две

ПОСЛЕДНИЙ «НОВОРОССИЙСК»

Рассказ
очевидца

трудился в крошечной темноте, пахнущей в холодной воде. Сказались отличная подготовка аварийных партий, умение свободно ориентироваться даже в темноте. И — спокойствие, выдержка.

— Мои команды выполнялись в считанные минуты, — рассказывал Виталий Николаевич Говоров. — Без водолазного снаряжения аварийщики ныряли под воду и там конопатили щели люков. И лишь когда вода доходила мне до подбородка (а мой рост 186 сантиметров), я давал команду: «Покинуть помещение!»

Самое страшное, однако, было то, что вода с носовой части заполняла верхние помещения линкора, которые по бортам не были герметизированы.

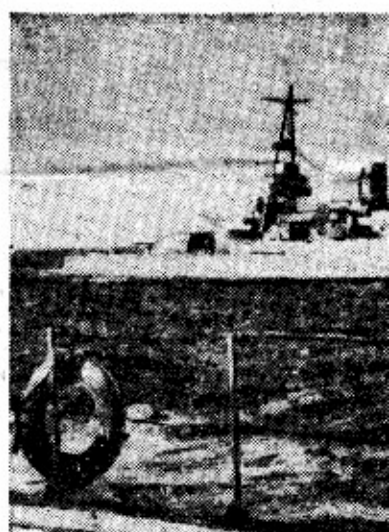
Положение все более усложнялось. Внезапно линкор качнулся и стал крениться на левый борт. Крен убыстрался. И тут воздух наполнился голосами сотен людей. Крик, казалось, заполнил всю ночную бухту.

Люди, находившиеся на палубе, посыпались вниз, в воду. Было видно, как те, кто был у правого борта, пытались удержаться за леерные стойки, а за них цеплялись другие и, держась друг за друга, образовывали живые цепочки. Но первые не могли долго выдержать такой груз, и все вместе летели вниз.

Потрясенные страшной картиной, мы плакали — от бессилия и невозможности чем-либо помочь товарищам, гибнущим на наших глазах.

Опрокинувшись корабль за считанные секунды. Но секунды эти, словно в замедленном кино, отложились в памяти многими картинками.

Перекрывая все звуки, прогрохотал по палубе огромный линкорский баркас. Сорвавшись с роствера, он полетел вниз, подминая под себя

назад возвышалась над бухтой громадина корабля, освещенная прожекторами, теперь чернела вода, на которой, словно тело огромного кита, лежало неподвижно его днище. Там виднелись люди.

Все разом стихло. Прожектора, словно опомнившись, тревожно забегали по воде, где плавали теперь сотни людей, сгрудившиеся в основном в одном месте. Они молча барахтались, плыли к берегу, к баркасам и катерам. Влезали на баркасы и сами начинали помогать вытаскивать на борт других. В воде оказались и командующий флотом, и другие военачальники. Судьба не учитывает ранги.

Шла борьба за жизнь тех, кого не накрыл, переворачиваясь, корабль, или кто сумел вынырнуть из-под него. Сложность заключалась и в том, что на небольшом пространстве оказалось слишком много людей. Паники не было. Кто был посильнее, лучше плавал — помогал слабым, раненым. Например, мой сосед по квартире, грузин, главстаршина Евгений Монджелидзе, крепкий здоровяк — он занимался борьбой, — в эту ночь помог выплыть двенадцати матросам.

К сожалению, спастись удалось далеко не всем.

прохотали, универ-
Группа мор-
речу пере-
днюю дугу,
е высокие
емафор,
последние
редавал?»
ее у стар-
команды
Милева.
ветил тот.
шум от
строек, и
минуту-две

Еще больше погибло тех матросов, старшин и офицеров, кто остался в нижних помещениях, ведя борьбу за живучесть корабля, или находился по боевой тревоге на постах и не успел покинуть помещения. Погребенные заживо в стальной коробке, они были обречены на мучительную смерть. Позднее спастись с помощью водолазов удалось лишь нескольким. Ушли на дно бухты и пятеро из нашего экипажа — матросы Петр Лысенко, Владимир Сухорученко, Сяре Шенинш, Николай Тарасевич и Анатолий Чулков.

боку в ил и там лежали несколько лет, пока не были потревожены якорем линкора при постановке на бочки, что снова привело в действие прибор кратности и в результате — ко взрыву.

Почему же опрокинулся корабль? Опрокинулся в бухте, в каких-то двухстах метрах от берега? Конечно, сказала и неудачная конструкция корпуса линкора, построенного в Италии. Но есть и другая причина трагедии: видимо, не все было сделано, чтобы спасти корабль и его экипаж.

Вот о чем рассказывается

речь, оказалась глубиной до илистого слоя. Выходит, что грунт Севастопольской бухты, по-настоящему изучен не был. И лишь гибель «Новороссийска», легко прорезавшего своими мачтами, трубами, верхними надстройками рыхлый илистый слой, показала, что на месте стоянки линкора материковый грунт находится метров на сорок ниже, чем предполагалось.

Возникает немало и других вопросов. И прежде всего главный: как могло случиться, что погибло столько людей в обстановке, отнюдь не безвыходной? Эти вопросы стояли и тогда, сразу после трагедии, они не дают покоя оставшимся в живых «новороссицам» и ветеранам Черноморского флота и сегодня.

Почему вовремя не были срезаны бридель, удерживавший корабль на бочке, и якорные цепи, что спасло бы и команду, и корабль?

Почему сотни людей, не принимавших непосредственного участия в борьбе за живучесть корабля, не были эвакуированы на берег, а находились на постах по боевому расписанию или без всякой цели стояли в строю на верхней палубе до последних минут?

Почему вовремя не были выведены из нижних отсеков аварийщики, когда стало ясно, что корабль не спасти?

Нельзя не согласиться и с капитаном 2-го ранга И. Степашкиным, который в своем письме ставит вопрос: «Почему критическое состояние линкора не было главным при оценке обстановки? Ведь каждый инженер-механик знает, что после потеря 1/3 плавучести корабль находится в критическом состоянии. Чем глубже опускался нос, тем выше становилось давление на перегородки, тем скорее линкор уходил в воду, тем бессмысленнее становилась борьба за живучесть».

Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимы серьезное исследование, знакомство с архивными материалами. Ясность могло бы внести и бывшее руководство флота.

Конечно, и здесь сработала административно-командная система, приучившая людей не рисковать, не брать ответственность на себя, действовать по указанию свыше.

Мы бы команду линкора спасли, — заверяет бывший заместитель командира «Новороссийска» по политчасти капитан 2-го ранга Г. М. Шестак, — свезли бы людей на берег, хотя, может быть, и пришлось бы пойти под суд, но командовало на корабле высокое начальство.

— А вы обращались к нему?

— Обращались вместе с помощником командира капитаном второго ранга Сербуловым — командир корабля был в отпуске, и он оставался в эту ночь за старшего. Командующий ответил: «Не паникуйте!»

ЭХО ВЗРЫВА, прозвучавшего в бухте в 1955 году, разнеслось далеко за пределы Севастополя. О нем передавали зарубежные радиостанции, писали газеты

западных стран. Но мало кто у нас в стране знал о гибели корабля. Разве что те, кому это было положено по службе, а также севастопольцы — моряки и жители города, тяжело переживавшие случившееся, да и родственники, получившие похоронки в мирные дни. Слово и не было этого взрыва. И не затонул у самого берега огромный корабль, унес с собой на дно более шестисот молодых жизней — почти половину экипажа.

Это была трагедия, а о трагедиях не принято было говорить ни тогда, ни тем более позднее, в период застоя. Эхо взрыва дошло до нас лишь теперь, когда в мае «Правда» опубликовала корреспонденцию Николая Чернашина «Взрыв».

О трагедии следует знать и всегда помнить, хотя бы для того, чтобы подобное больше не повторилось.

На могилах «новороссицев» установлены памятники. На Северной стороне, на братском кладбище, где похоронены погибшие в сражениях за Севастополь участники первой и второй оборон города: в 1963 году воздвигнут мемориал. Композицию его венчает фигура Скорблшего матроса со склоненным знаменем. На пьедестале монумента слова: «Родина — сыновьям».

Но имена погибших все эти годы были в забвенье. Нет их на братских могилах и сегодня. Сейчас за дело взялись совет ветеранов линкора, общественность Севастополя, редакция газеты «Слава Севастополя». Они развернули широкую работу по установлению мемориальных досок с перечислением фамилий моряков «Новороссийска», погибших при исполнении служебного долга, продолжают поиск имен. Как заявил председатель совета ветеранов линкора «Новороссийск», капитан 1-го ранга в отставке Михаил Борисович Ямпольский, уже установлено более шестисот фамилий погибших моряков с линкора и крейсеров, оказывавших помощь в борьбе за живучесть корабля.

В эти дни бывшие моряки «Новороссийска» со всех концов страны прибыли в Севастополь, где тридцать три года назад оборвалась жизнь многих их сослуживцев и где закончил свой путь их корабль. Они собрались, чтобы вспомнить боевых друзей, учебно-боевые походы, ту трагическую ночь, навсегда оставшуюся в памяти каждого, и возложить цветы на братские могилы, на плите одной из которых выбиты слова: «...Любовь к Родине и верность присяге были для них сильнее смерти».

Свой воинский долг они выполнили до конца. И имена их, будем надеяться, появятся скоро на надгробных плитах пока еще безымянных братских могил, будут возвращены нам.

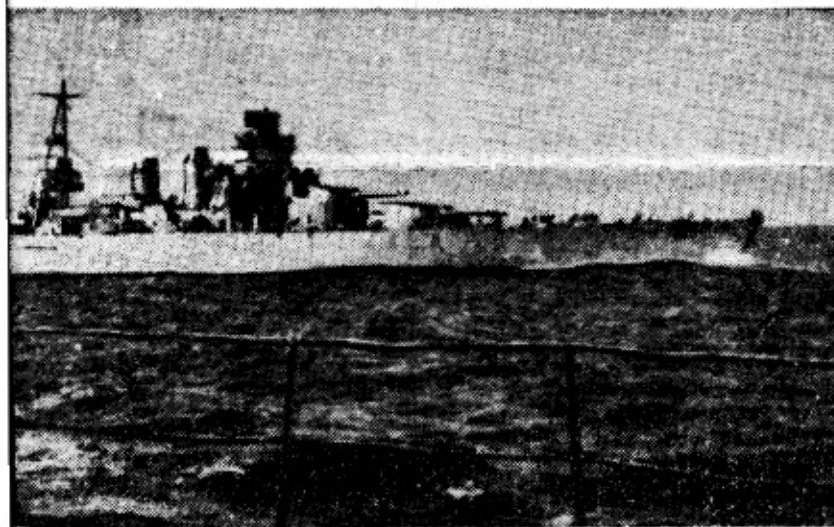
Петр ГАРМАШ.

* * *

На снимке: линкор «Новороссийск» в боевом походе.

Фото автора.

ДНЯ НОЧЬ ОССИЙСКА»

над бух-
бли, освеще-
ни, теперь
которой,
ого кита,
его дни-
люди.

Прожект-
нившись,
по воде,
сотни лю-
отни лю-
Они мол-
чили к
и кате-
аркасы и
гать вы-
ругих. В
омандую-
ие воен-
е учиты-

жизнь тех,
реворачи-
то сумел
го. Слож-
и том,
простран-
ком мно-
е было.
е, лучше
слабым,
мой со-
вин, глав-
ондживе-
ник — он
— в эту
двенад-

Каждый, кто до последнего сражался с водой, проявил изумительное мужество и верность воинскому долгу.

Владимир Иванович Ходов, бывший секретарь партбюро линкора, говорит:

— Люди держались стойко, действовали, как в бою, хотя подавляющее большинство личного состава линкора составляли молодежь, комсомольцы, и войну они видели только в кино...

Известно, что правительственная комиссия, расследовавшая причины гибели «Новороссийска» (ее возглавлял заместитель Председателя Совета Министров СССР В. А. Малышев), высоко оценила умелые действия и самоотверженность команды линкора.

ПРИЧИНУ трагедии, унесшей многочисленные человеческие жизни, точно выяснить не удалось. Наиболее вероятной считается взрыв специальной связи немецких донных мин с прибором кратности, которые, видимо, были установлены фашистскими минами на местах предполагаемой стоянки кораблей. Вероятно, это случилось перед оставлением гитлеровскими войсками Севастополя в 1944 году. Как предполагают специалисты, мины вошли глу-

в воспоминаниях бывшего флагмана бригады капитана 1-го ранга С. Г. Бабенко, который пишет о действиях командования флотом во время спасения «Новороссийска»: «Поскольку вода продолжала затоплять носовые помещения, стали советовать, какие меры принимать дальше... Пришли к выводу, что на глубине 18 м корабль при дальнейшем затоплении остановится на грунте и часть его будет возвышаться на поверхности. В самом деле, осадка корабля до затопления была примерно 10 м, высота надводного борта в носу 12 м, в корме 8 м, при ширине корабля 28 м. Он по мере затопления сядет килем на грунт либо повалится на левый борт. Так мы представляли дальнейшее затопление корабля. К великой печали, мы ошиблись в своих предположениях».

Об этом говорит и бывший командующий флотом вице-адмирал В. А. Пархоменко: «...До последней секунды была мысль: ну вот сейчас, вот сейчас остановится, задержится, ну хотя бы ляжет на борт. «Новороссийск» опрокинулся стремительно».

Случилось еще одно непредвиденное обстоятельство. Глубина, о которой идет